

Люди в шоу-бизнесе — народ суеверный, так что после случившегося режиссер, не мешкая, пригласил «мастера».

Нин Янь потащила Се Цзисина за собой — поглазеть на зрелище.

— Говорят, этот мастер невероятно крут! — шептала она. — Чтобы заманить его сюда, режиссер выложил восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь юаней только в качестве задатка. А если всё получится, доплатит еще тридцать восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь.

— Сколько-сколько? — Се Цзисин вскинул бровь, разглядывая дядю с козлиной бородкой.

«Неужели этот шарлатан стоит таких денег?»

Он незаметно подпитал призрачную деву Иньским огнем, накладывая на нее мощный бафф.

«Давай, сестренка, жги! Начисти физиономию этому проходимцу!»

Уровень мастерства экзорциста вызывал вопросы, зато экипировка была на высоте, да и свита — внушительная. Первым делом ученики притащили огромную курительницу, до краев наполненную пеплом благовоний. Затем на «трупы» видеокамер и раций наклеили желтые полоски ритуальной бумаги. Наконец, мастер выхватил пучок какой-то ядовито-зеленой травы, окунул её в воду с пеплом от сожженных талисманов и принялся размахивать ею во все стороны, содрогаясь всем телом.

Выглядел он при этом как вошедшая в раж макака.

После периода бурного бешенства призрачная дева немного остыла. Сейчас она просто парила в воздухе, скосив глаза вниз, и с нескрываемым презрением наблюдала за тем, как внизу скачет человечешка, выкрикивая невнятные заклинания.

В какой-то момент ученики подхватили мастера, сооружая некое подобие «индийской акробатики на мотоцикле». В этом нелепом полете пучок мокрой травы хлестнул призрачную деву прямо по лицу.

Почувствовав, как иньская энергия во дворе мгновенно закипела, Се Цзисин прикрыл глаза ладонью, оставив лишь узкую щелочку между пальцами.

«Всё, хана... Она в ярости. И это из тех обид, которые просто так не загладишь».

Предчувствие не обмануло. В следующую секунду призрачная дева своей «лотосовой ножкой» с разворота опрокинула огромную курильницу. Пепел взметнулся серым облаком, залепив глаза и рты всей «делегации экзорцистов». Человеческая пирамида с грохотом рухнула. Шарлатаны катались по земле, заходясь в кашле и размазывая грязь по лицам.

Затем призрак метнулся к камерам. Она сорвала все желтые бумажки, скомкала их, разорвала в клочья и швырнула в лицо режиссеру. Тот, с прилипшими к потному лбу обрывками талисманов, сам стал похож на пойманного беса; он замер, не смея даже вздохнуть.

Выпавший из рук мастера пучок травы, пропитавшийся ритуальной водой и пеплом, вдруг взмыл в воздух. словно кисть, жадно впитавшая тушь, он начал выписывать в воздухе зигзаги, нанося беспорядочные удары по толпе. Почти каждый получил свою порцию странной жижи. Лишь Се Цзисин успел выставить перед собой Невезучего призрака, на миг придав ему плотности, и тем самым избежал общей участи.

Опустив на землю А Цзи, который продолжал отплевываться, Се Цзисин увидел, как девица парит над кучей горе-мастеров, методично охаживая их веником по лицам. Когда ей это надоело, она запихнула пучок травы прямо в рот главному шарлатану, влила вслед остатки грязной воды и гневно растворилась в воздухе.

«Как... как свирепо!»

Се Цзисин мысленно аплодировал. Желание приютить такую красавицу только крепло.

Обряд изгнания призрака превратился в обряд изгнания «мастера». Опозоренная команда, уже не помышляя о гонораре, трусливо вернула задаток и сбежала. В съемочной группе воцарилась паника. Если уж «профессионалы» так позорно проиграли, значит, они действительно разозлили нечто неопишимо жуткое.

Ночь выдалась облачной — ни звезд, ни луны. В старинной усадьбе тишина была такой глубокой, что слышался каждый стрекот сверчка. Съёмочная группа занимала два отдельных домика рядом с особняком. Обычно по вечерам там кипела жизнь: кто-то дорабатывал, кто-то дурачился. Сейчас же десятки людей притихли, боясь даже вздохнуть погромче.

Те, у кого была возможность, нацепили на себя всё подряд: нефритовые подвески от бабушек, красные нити из храмов. Те, у кого ничего не нашлось, облачились как минимум в красные трусы, купленные заботливыми мамами. Совсем обделенные судьбой забились под одеяла — в свой последний «защитный барьер», — дрожа от ужаса и боясь стать следующим «избранником».

Рядовые сотрудники жили по несколько человек в комнате, и лишь режиссер, его зам и сценаристка имели привилегию на одиночные покои. В этот момент «особое положение» превратилось в высшую меру наказания.

У сценаристки была привычка: от нервов она пила молочный чай. Днем она всосала четыре стакана, и теперь её организм настойчиво требовал свидания с уборной. Но выйти было страшно! Она ворочалась на кровати, то на левый бок, то на правый.

«Ох... от этих движений терпеть еще сложнее».

Достав телефон, она открыла какой-то роман. «Надо отвлечься, погрузиться в чтение, и тогда зов природы отступит». Но выбор оказался неудачным. Начало было неплохим, но дальше сюжет превратился в кашу, а характеры героев рассыпались. Чем дольше она читала, тем больше закипала от злости.

Сценаристка села на кровати и прошипела:

— Ну и треш! Какой кошмар... Даже если сроки поджимают, нельзя же так откровенно кормить читателей дерьмом!

Она уже занесла палец над экраном, собираясь вклепить гневный отзыв, как вдруг над самым ухом раздался вкрадчивый голос:

— О, так ты и сама понимаешь, что это лютей треш...

А следом за словами пришло ощущение чего-то ледяного и липкого на затылке. Сценаристку прошиб холодный пот, она сжалась в комок.

«У-у-у... Хорошо, что реакция сработала и я вовремя всё перекрыла... Еще бы секунда, и был бы конфуз».

Она была на грани слез и жалобно взмолилась в пустоту:

— Сестричка, миленькая... Можно мне сначала в туалет сходить, а потом ты меня пугать будешь? Если по сети поползет слух, что призрак заставил меня описаться... Это же будет такая социальная смерть!

Призрачная дева: «...»

«Звучит и впрямь трагично. Ладно уж, "кормление дерьмом" в книге — грех серьезный, но не настолько».

Она бесшумно уплыла прочь, решив заняться остальными, а к этой вернуться завтра. Сценаристка еще немного подрожала на кровати, и убедившись, что поблизости никого нет, на негнувшихся ногах рванула в туалет. В тот миг, когда она наконец опустилась на фаянсовый трон, по её лицу потекли слезы облегчения. Она выжила!

На следующее утро над площадью перед усадьбой словно зависла локальная туча — и накрывала она ровно троих: режиссера, его зама и сценаристку. Троица делала вид, что работает, но их шатало, а взгляд был пустым. Казалось, они за одну ночь постарели на вечность.

Нин Янь тихонько шепнула Се Цзисину:

— Эти трое вчера призрака видели. Жуть берет... Хорошо, что этот дух только по начальству ходит. Впервые я так рада, что я всего лишь стажерка.

Она вздохнула:

— Съёмки наверняка отложат. Если дело быстро не решится, придется искать другую локацию, где-нибудь в другом городе. Синсин, неужели мы перестанем быть коллегами?

«Кормушка ускользает?»

Се Цзисин этого не допустит!

— Сяо Янь, можешь меня с ними свести? С меня молочный чай, — Се Цзисин открыл приложение доставки и мило улыбнулся, склонив голову набок. — Я могу решить эту проблему. Обойдусь дешевле того мастера, а если не выйдет — денег не возьму. Чисто ради нашей коллегиальной дружбы.

Нин Янь окинула его долгим взглядом. И почему-то она ему верила. Зная, какой Се Цзисин алчный до денег, она понимала: если бы он не был уверен в успехе на все сто, он бы никогда не разорился на чай для неё.

Она выбрала в меню чай с мороженым, но всё же уточнила:

— Точно справишься?

Се Цзисин был само воплощение искренности:

— Попытка — штука бесплатная.

— Ладно. — В конце концов, если он поможет, её шансы на место в штате резко вырастут. Да и вряд ли будет хуже, чем после того «мастера». — Пойду поговорю с замрежиссера.

Поскольку режиссер и сам был на грани отчаяния, ответ пришел мгновенно. Представ перед тремя «живыми трупами», Се Цзисин осторожно спросил:

— И что же вы вчера пережили?

— Она сказала, что я пособник мерзавца, — замрежиссера потрогал свою голову, на которой не было никакой невидимой зеленой шляпы. — И что рано или поздно моя жена наставит мне рога.

— А мне она сказала, что я слепец, который не видит добра и зла, — режиссер потер красные глаза. — И что придет время, и мои глаза отдадут тому, кому они нужнее.

Дошла очередь до сценаристки. Её нервы, натянутые как струны, окончательно лопнули, и она разрыдалась в голос:

— Она... она сказала, что мой сценарий — лютый треш... И что я кормлю читателей дерьмом... И что мне самой не мешало бы его отведавать...

— Позвольте спросить, — Се Цзисин протянул сценаристке пачку салфеток. — Когда вы писали сценарий, вы изучали исторические материалы?

Сценаристка громко высморкалась и замерла. Перед работой она беседовала с владельцем квеста и знала лишь общие черты: в усадьбе когда-то жили барышня эпохи Цин и молодой господин, любитель шанхайского шика. Она всю жизнь писала сценарии для айдол-дорам — пронзительные истории о несчастной любви — и здесь, почуяв сочный типаж, выдала сюжет на одном дыхании. Режиссер утвердил его без правок, и никто даже не подумал о достоверности.

«Да и зачем в развлекательном шоу какая-то там достоверность?» — сценаристка растерянно покачала головой.

Раньше призрачная дева вела себя мирно — так, пугала туристов по мелочи. Даже когда Се Цзисин провоцировал её, она лишь хотела его припугнуть. Но, увидев сценарий, она пришла в такую ярость, что едва не убила его. Она сожгла рукопись Се Цзисина, а теперь пришла к автору с претензией на «трешовость».

— Может... стоит покопаться в архивах? — осторожно предложил Се Цзисин. — Кажется, корень проблемы именно в сюжете.

«Всё было не так...»

«Всё ложь...»

«Пособники мерзавца...»

«Сценарий — треш...»

Если связать всё воедино, выходило, что с главным героем в этой истории что-то сильно не так.

— Хорошо! — в сценаристке проснулась профессиональная гордость. — Я немедленно займусь изучением материалов.

— А мы... может, пока снимем другие сцены? — режиссер с надеждой посмотрел на Се Цзисина. — Получится?

Простой съемочной группы стоил огромных денег, и продолжать в том же духе было нельзя.

Се Цзисин решил выбить для призрачной девы немного бонусов:

— В принципе, можно... но...

Режиссер моментально понял его недомолвку:

— Любые требования. Только скажи, что нужно, чтобы уладить это как можно скорее.

— Сценарий придется переписать, это факт. Думаю, вы и сами это поняли.

«Трупы» дружно закивали.

— Но пока правки вносятся, дух нужно задобрить, — Се Цзисин потер подбородок. — Я предлагаю каждый день покупать популярный молочный чай, тортики, закуски... Ну, в качестве подношения.

— Это... — замрежиссера замялся. — А сработает? Я слышал, обычно подносят свиные головы или живых кур...

— Фу, — Се Цзисин брезгливо поморщился. — Вам бы такое предложили, вы бы взяли? Подношения должны идти в ногу со временем.

— Согласен, — отрезал режиссер. — Составь список помощнику продюсера, пусть всё организует. Расходы запишем на счет группы.

Это было как нельзя кстати. Се Цзисин, не стесняясь, выбрал самый дорогой бренд, заказал кучу топпингов — он и сам такое никогда не пробовал, так что заказать лишнюю пару стаканчиков «для обряда» казалось делом вполне разумным.